

Я.С. Зубова

История колонизации и хозяйственного освоения Урала и Зауралья русским населением в официальной историографии второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: историография истории Сибири и Урала, официальная историография колонизации Урала и Сибири, присоединение Сибири, дореволюционная отечественная историография.

Keywords: colonization, economic development, Urals, Transurals.

В пореформенный период официальная историография истории колонизации и освоения Сибири была представлена в работах Д.И. Иловайского, В.К. Андриевича, И. Введенского, С. Олферьевой, С.Ф. Платонова, Н.Л. Симонова, Е. Тихомирова.

Д.И. Иловайский изложил свое видение проблемы в трудах «Ермак и покорение Сибири» и «Истории России» [1; 2]. Он, как и другие официальные историки, не останавливается на внутренних причинах, обусловивших поход Ермака, обратившись чисто к внешним и второстепенным факторам [2, с. 389].

Вслед за Н.М. Карамзиным исследователь в связи с Ермаком упоминает Кортеса и Писарро; казачья дружина для него – буйная толпа, которую возбуждают преувеличенные слухи о раздолье и богатствах неизвестной восточной страны [2, с. 389].

На Каме Ермак встретился со Строгановыми, которые в царствование Ивана IV распространили свою колонизаторскую деятельность на Великую Пермь. Феодалные вотчинники восточной окраины получили от царя права на оборону северо-восточных пределов и из простых, мирных колонизаторов превратились в организаторов военных отрядов, строителей оборонительных крепостей, вооружая и снабжая защитников границ всем необходимым за свой счет [2, с. 389].

Исследователь однако не пошел за Н.М. Карамзиным в объяснении взаимоотношений Строгановых и Ермака. «С вероятностью можно предположить, – считает автор, – что почин был обоюдный, но со стороны казаков более добровольный, со стороны же Строгановых более вынужденный обстоятельствами. Казацкая дружина, прибывшая в Чусовские городки, была не такого характера, не таких привычек, чтобы долгое время могла спокойно нести сторожевую службу, покорно подчиняться местным купцам-землевладельцам и довольствоваться скудно добычей в соседних инородческих краях» [2, с. 389].

С целью организации борьбы против татар и других сибирских инородцев Строгановы в апреле 1579 г. направили грамоту казацким атаманам, разбойничавшим на Волге и Каме, пригласив их к себе [1, с. 11].

Как и другие исследователи, Д.И. Иловайский останавливается на проблеме происхождения Ермака, определяя, что он был уроженцем северо-восточной Руси, хорошо знал ее пути, промыслы, население и закаленный в борьбе с суровой северной природой. Отличался силой, отвагой, даром слова, предприимчивый, опытный, удалой [1, с. 11–12].

Отвечая на вопрос, кому принадлежал почин сибирской экспедиции, историк отмечает, что он был обоюдным, «но со стороны казаков более добровольный, со стороны же Строгановых более вынужденный обстоятельствами» [1, с. 12]. Казаки были буйной силой, грабили местное население, и сдержать их Строгановым было достаточно сложно. Главным двигателем всего предприятия, по Иловайскому, был Ермак, который и склонил Строгановых способствовать ему. Избавляясь от казаков, Строгановы преследовали давнюю свою и московского правительства цель – перенести борьбу с татарами на их территорию и наказать хана, переставшего платить дань Москве [1, с. 13]. Сибирский поход историк начинает в сентябре 1581 г. Ему предшествовали разного рода знамения [1, с. 14].

Вслед за Г.Ф. Миллером и П.А. Словцовым Д.И. Иловайский повторил мысль о нереальности версии Строгановской летописи относительно перехода дружины Ермака от реки Чусовой до Искера за полтора месяца [1, с. 30]. Полемизируя с Л.Н. Майковым, он отодвигает дату взятия столицы Сибирского ханства на 1582 г. [1, с. 30].

Победа над татарами досталась казакам в результате баснословных подвигов. 800 ратникам противостояли 20–30 тысяч неприятелей, суровая природа и незнакомая местность [1, с. 16].

После гибели Ермака и восстановления Сибирского ханства Сибирь оказалась утраченной [1, с. 23]. Однако это только казалось, что «русские уже узнали дорогу в Сибирь, извели слабую, разноплеменность этого царства и его естественные богатства...» [1, с. 24].

Историк пишет, что ошибки Ивана Грозного, недооценившего трудности завоевателей в Сибири, исправил правительство Федора Ивановича, отправлявшего туда отряд за отрядом. Вместо тяжелых походов первых завоевателей правительство употребило свою обычную систему: «распространять и упрочивать свое владычество на окраинах постепенным построением крепостей» [1, с. 25].

Московское правительство, считает Д.И. Иловайский, предпринимало все возможные меры для организации хозяйственного освоения края, бережливо относилось к инородцам. Но зачастую благие распоряжения центрального правительства не всегда добросовестно исполнялись местными властями. Тем не менее, заключает автор, «дело русской колонизации и русского господства здесь было поставлено умно и успешно, и наибольшая заслуга в этом деле принадлежит, конечно, Борису Федоровичу Годунову» [1, с. 30].

В целом Д.И. Иловайский повторил выводы Н.М. Карамзина о решающей роли самодержавия в колонизации Сибири.

С.Ф. Платонов был первым в отечественной историографии, кто взглянул на сибирские летописи не как на отдельно взятое изолированное явление, а нечто связанное с общерусским летописанием [3, с. 172–180]. Он заметил поразившее его сходство описания картин природы между «Повестью о Смутном времени», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому, и Строгановской летописью, причем не простое механическое заимствование, а однородность творчества. В связи с этим историк ставит два вопроса. Первый: не присвоил ли себе князь Катырев-Ростовский труды сына боярского Сергея Кубасова, с именем которого давно связывалась «Повесть о Смутном времени»? Второй: не перу ли того же Кубасова принадлежит и сибирская Строгановская летопись? На первый вопрос он отвечает отрицательно, а второй оставляет для ответа специалистам по истории Сибири.

Мимоходом С.Ф. Платонов дает оценку своей позиции в сибирском летописании: «Мы держимся взгляда С.А. Адрианова, предположившего, что Есиповская летопись не была составлена по Строгановской, а, наоборот, ей предшествовала и служила ей источником» [3, с. 172–180].

В конце XIX – начале XX в. в официальной историографии колонизации и хозяйственного освоения Урала и Сибири наблюдаются определенные изменения. Прежде всего разработка ее становится самостоятельной темой исследования. Кроме того, официальные историки не могли не учитывать достижений либеральной историографии.

В первую очередь это касается творчества В.К. Андриевича. В конце XIX в. им была издана «История Сибири» [4]. Исследование охватило историю края с древнейших времен до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. Автор отмечает, что знакомство России с Зауральем началось еще задолго до начала похода Ермака. С середины XIII столетия в числе новгородских волостей находилась Югра, а после присоединения к Московскому государству Пермь правительство предпринимало попытки к захвату других сибирских территорий, ища повод к на-

чалу войны с вогуличами [4, с. 1]. В результате походов Семена Курбского и Петра Ушатого «в титул великого князя включены земли Обдорская и Кондинская» [4, с. 2]. Однако при великом князе Василии Ивановиче, в результате войн с Польшей, Крымом и Казанью, освоение сибирских территорий приостановилось. Около 1554 г. состоялось обложение данью татарского князя Едигера, и к царскому титулу присоединили выражение: «всех Сибирских земель повелитель Северных стран» [4, с. 4]. В.К. Андриевич поясняет, что понятие «Сибирь» в то время имело несколько иное содержание, и до присоединения всех сибирских территорий к Русскому государству было еще далеко. К 1570 г., замечает историк, «прозвище Сибирь установилось за землей прииртышских татар, которые не только перестали платить ясак в Москву, но стали даже делать набеги на русских подданных» [4, с. 6].

Татары тревожили набегами прежде всего территории, принадлежавшие Строгановым, и Максим Строганов предложил Ермаку совершить поход против татар, снабдив отряд хлебом и проводниками. В.К. Андриевич, рассуждая об идее похода, остановился на том, что у Строгановых родилась мысль захватить территории Сибирского ханства, а уже сама идея послужила поводом к «дальнейшему систематическому завладению Сибирью» [4, с. 8]. Автор подробно останавливается на хронологии похода Ермака, отмечает, что в 1577 г. Ермак с отрядом в 5000 человек пошел вверх по Чусовой, затем по Сылве, где зимовал. На следующий год двинулся до Тагильского волока, где опять пережил с отрядом зиму. В 1578 г. Ермак уже с отрядом в 3000 человек покорил вогуличей на Тавде и Пелымские уезды. 1 мая 1580 г. Ермак двинулся вниз по Тагилу, по реке спускались уже 1636 человек. 1 августа 1580 г. Ермак взял Тюмень, где, перезимовав, 9 мая спустился вниз по Туре, имея 1060 человек, преодолевая серьезное сопротивление татар. 1 октября 1581 г. состоялся неудачный для казаков бой под Чувашскою горою, но 23 октября Ермакова дружина все-таки захватила Искер [4, с. 9–13].

Однако поводом к окончательному подчинению прииртышских татар стала деятельность Д. Чулкова, который основал в 1587 г., недалеко от Искера, Тобольск и захватил в плен Сейдяка, обосновавшегося в татарской столице после ухода оттуда казаков в августе 1584 г. [4, с. 19].

Значительным событием в освоении Сибири стала постройка Тюмени, пишет В.К. Андриевич, после чего «без сопротивления все окрестное население, проживающее по рекам Тура, Пышма, Исеть, Тавда и Тобол, подчинилось русской власти».

Следующим важным этапом в присоединении Сибири стало строительство городов и острогов. Московские власти осознали это тогда, когда стало очевидно, что присоединяемые территории весьма обширны и воеводское управление первых городов не

справляется со сбором ясака. Вплоть до наступления Смуты московские власти занимались основанием новых городов и острогов [4, с. 18]. Отсутствие монополии государства на торговлю пушниной и появление населенных пунктов способствовало движению в Сибирь промышленников, считает автор [4, с. 34].

В.К. Андриевич выделяет особый период в освоении Сибири – период Смуты, в это время развитие русского владычества в Сибири приостановилось, что вызвало многочисленные восстания среди местного населения. Восстали против русского владычества тунгусы, буряты, арины, качинские татары, сопротивлялись русскому продвижению в Сибири киргизы [4, с. 54, 57]. Автор отметил, что русское освоение Сибири на этом этапе было крайне осложнено непрекращающимися восстаниями инородцев, поводы у которых были разными, в основном это злоупотребления местных властей, а причина одна – потеря независимости. В 1595 г. восстали вогуличи и остяки; в 1598 г. – нарымские остяки; в 1603 – кетские остяки; в 1604 – вогуличи Пельма и Верхотурья, татары Томского уезда; в 1606 – обские остяки, вогуличи на Конде, случился киргизский бунт; в 1607 – сургутские остяки, пельмские вогуличи; в 1608 – Нарымские и кетские остяки; в 1609 – вогуличи и татары пытались захватить Тюмень, восстали кузнецкие татары; в 1612 вогуличи пытались захватить Пелым; в 1609, 1611, 1614, 1616 гг. – «шатались» киргизы и томские татары; в 1612 г. восстали барабинские татары [4, с. 196–198]. Власти с трудом, но справлялись с восстаниями местного населения.

Во второй половине XVII в., отмечает исследователь, строительство новых населенных пунктов было вызвано необходимостью обороны русских владений от набегов калмыков, кучумовых татар, появились Исетск, Катайск, Ялуторовск и другие города.

Автор «Истории Сибири» подробно остановился на правительственных мероприятиях, проводимых с целью заселения Сибири русскими людьми. Среди таковых историком отмечен указ 1597 г., разрешавший всем бежавшим в Сибирь за последние 6 лет оставаться там и не возвращаться [4, с. 134]; указ об основании таможенных постов и организации ямов [4, с. 135, 145]. В начале XVII в. появляется ссылка, но она пока, по мнению исследователя, еще не была средством заселения Сибири [4, с. 136]. Способствовало заселению Сибири строительство Бабиновской дороги и Верхотурья [4, с. 138]. Однако, отмечает исследователь, пути в Сибирь постоянно совершенствовались, открывались новые, более короткие и удобные дороги [4, с. 160–162]. При заселении Сибири в XVII в. властям пришлось пользоваться крутыми мерами, так как катастрофически не хватало служилого населения. Пополнялись служилые в основном за счет присылаемых из центральной части России, естественный прирост русского населения в Сибири был низким.

Поэтому в 1630 г. «для доставления служилым людям возможности плодиться» правительство впервые использовало практику набора в российских городах гулящих баб и девок «для отправки их в Сибирь с целью выдачи их замуж за тамошних казаков» [4, с. 143]. И такой способ увеличения количества населения в Сибири правительство использовало не раз. Как и другие историки Сибири, В.К. Андриевич отметил, что для более быстрого заселения края правительство использовало льготы для переселенцев – освобождение от повинностей на 6 лет, ссуды, подъемные деньги [4, с. 144].

Заселению и хозяйственному освоению Сибири способствовало развитие торговли, прежде всего транзитной [4, с. 160], и появление ярмарок [4, с. 163].

В первой половине XVII в., заключает автор, основное пространство Сибири «наполнилось бродячим русским людом: промышленниками и разного рода служилыми: казаками, стрельцами, литвою и черкасами», крестьяне заселили ничтожную территорию, ближайшую к России, до реки Тобол [4, с. 146, 158]. Заселение Сибири во второй половине XVII в. происходило более успешно. Приток населения стремительно возрос к концу столетия, после указов 1685 г. против старообрядцев, а в начале XVIII в. с введением рекрутских наборов [4.Ч.II, с. 152]. В.К. Андриевич выделил следующие источники увеличения численности сибиряков во второй половине XVII – начале XVIII в.: принятие русского подданства различными азиатскими племенами; беглыми из России; водворение пашенных крестьян; ссылка; естественный прирост [4.Ч.II, с. 139, 141]. По подсчетам исследователя, к 1710 г. население Сибирской губернии составило 270000 человек мужского пола [4.Ч.II, с. 152].

Следует сказать, что официальная трактовка истории колонизации Урала и Сибири сочетается у В.К. Андриевича с рядом новых моментов. По сравнению со своими предшественниками он значительно расширяет хронологические рамки этого процесса, определяя его XIII–XVII вв., территориально включая сюда Урал, Зауралье и Сибирь [4.Ч.II, с. 134]. В своей основе эта точка зрения получила развитие и в работах значительной части советских историков. Исследование автора насыщено значительным фактическим материалом. В.К. Андриевич приводит неизвестные ранее данные о серии восстаний местных народов (манси, ханты, татары), направленные против политики царских властей по укреплению своих позиций в Сибири в 1595–1616 гг. [4.Ч.II, с. 186, 198]. Тем самым ученый, вслед за Г.Ф.Миллером, заключает, что колонизация края носила не только мирный, но и военный характер.

Своеобразно оценивает роль Ермака в присоединении Сибири Н.Л. Симанов, автор «Истории сибирского казачьего №1 Ермака Тимофеева полка» [5]. Останавливаясь на разбойничьем прошлом Ермака, автор

отмечает, что на Каме казаки оказались, спасаясь от царского гнева, где были «обласканы» Строгановыми, которые уговорили их отказаться от разбоев, «а послужить лучше России в честных боях и тем загладить свои вины перед Богом и Царем» [5, с. 2].

Войско из 800 человек 1 сентября 1581 г. выступило в поход. Н.Л. Симанов отмечает многочисленные битвы Ермаковой дружины с местным населением, определяя, что причинами побед в них были применение пушек, которых аборигены раньше не видели [5, с. 3], и храбрость и мужество казаков [5, с. 3–4].

Царь принял подарок казаков, щедро наградил их за взятие Сибири и выслал на помощь Ермаку стрельцов. Однако довершить дело Ермака правительственные войска смогли уже через год после смерти атамана. Окончательному завоеванию Сибири способствовало заселение обширной территории [5, с. 7].

Е. Тихомиров в очерке о роли Ермака в покорении Сибири [6] считает, что первые сношения с краем относятся к середине XVI в., но эта попытка зависимости его от Москвы была неудачной [6, с. 7]. В дальнейшем покорению Сибири способствовали богатые промышленники Строгановы, «главные заселители Пермского края» [6, с. 8], призвавшие Ермака «очистить зауральские земли от сибирского салтана» [6, с. 14]. Именно они обратили внимание на зауральские земли, сулившие еще большие выгоды, чем страны Прикамские [6, с. 12].

Автор подробно описал поход Ермака, при этом исследователь не дает ссылок на источники и литературу. Он подробно остановился на личности атамана, отмечая его заслуги в деле присоединения Сибири. По мнению Е. Тихомирова, правительство лишь завершило дело, начатое Ермаком [6, с. 41]. Таким образом, историк считает, что главную роль в присоединении Сибири сыграли Строгановы и Ермак с казаками.

И. Введенский и учитель Львов в кратких рассказах о покорении Сибири высказали свою точку зрения по проблеме присоединения региона [7; 8].

И. Введенский описал новгородский период в процессе ознакомления русских с Сибирью [7, с. 5–6], обозначил пути в Сибирь [7, с. 3–4]. Определяя особенность новгородского освоения Зауралья, автор отметил, что новгородские походы были простыми набегами с целью грабежа, поэтому колонизация «не пустила еще никаких корней» [7, с. 6]. Характеризуя начало московского периода, И. Введенский отметил, что московские походы XV в. также не привели к колонизации края.

Новый период в освоении Сибири начинается с деятельностью Строгановых, считает И. Введенский. Автор краткого очерка подробно остановился на роли Строгановых в освоении Предуралья и покорении Сибири. Строгановым, пишет И. Введенский, «принадлежит высокая историческая честь заселения русскими... Великой Перми» [7, с. 7], сильные, смелые,

отважные, предприимчивые, они указали русскому народу на Сибирь [7, с. 7].

Роль же русского народа на новой территории заключалась, по Введенскому, в великой исторической миссии «просвятить светом высокой христианской истины, европейскою культурою и знанием те нищие духом племена, которые населяли эту обширную страну» [7, с. 7].

Учитель Львов продолжает работу Введенского и обращается к следующему этапу сибирской истории, связанному с Ермаком. Инициативу сибирского взятия он отдает Ермаку, определяя, что «русское правительство ничего не знает о предприятии Ермака и его шайки» [8, с. 7].

Роль Строгановых автор видит в организации снабжения экспедиции всем необходимым [8, с. 17]. Учитель Львов описывает ход экспедиции Ермака, особо останавливаясь на роли самого Ермака в различных сражениях, восхваляет его силу, ум, военный талант.

После смерти героя, отмечает автор, его дело довершили правительственные отряды, а русская колонизация способствовала «распространению семян цивилизации среди диких туземцев» [8, с. 21].

С. Олферьева [9] свой очерк о завоевании и заселении Сибири начинает со времен московского князя Ивана III, именно при нем, считает автор, московские воеводы перешли Уральские горы [9, с. 19], и новгородская торговля мехами с жителями Югорской страны была перехвачена московскими поселенцами. Зависимость Зауралья от Руси упрочилась тогда, когда сибирский князь Едигер бил челом Ивану IV, чтобы «он взял в свое имя всю землю Сибирскую» [9, с. 20]. Однако этот этап длился недолго, и с приходом в Сибирском ханстве к власти Кучума зависимость от Москвы закончилась.

Начало следующего этапа завоевания Сибири С. Олферьева связывает с деятельностью Строгановых, которые способствовали покорению Сибирского края, занявшись организацией похода Ермака. Давая историческую оценку похода Ермака, автор пишет, что «главная заслуга в деле покорения Сибири, несомненно, принадлежит казакам» [9, с. 83].

За казачьим завоеванием Зауралья начинается новый этап освоения края – земледельческий. Главную роль в заселении Сибири на этом этапе играло московское правительство: «...московские цари заботились о заселении Сибири, понимая, что только этим можно удержать за собой такую огромную страну» [9, с. 84]. Источниками населения региона стали переселяемые по указу крестьяне, ссыльные. Первую ссылку в Сибирь С. Олферьева датирует 1599 г. [9, с. 52], однако отмечает, что как ни заботились московские цари о том, чтобы заселить Сибирь, сделать это было очень сложно. Но, несмотря на трудности в организации заселения края, правительство организовывало произ-

водство хлеба, прокладку новых дорог, строительство городов и острогов.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. представители официальной историографии истории колонизации и хозяйственного освоения Урала и Зауралья русским населением продолжали отстаивать и развивать те идеи, которые выдвинули их предшественники до 1861 г. В то же время в новых исторических условиях в их воззрениях появились новые акценты.

В своих трудах представители официальной историографии проводили главную идею о решающей роли государства в присоединении и дальнейшем развитии Урала и Зауралья, прежде всего в XV–XVIII вв. В оценке похода Ермака и присоединении Сибири у них изменилась оценка роли Строгановых в этом событии. Большинство официальных исследователей теперь основную заслугу Строгановых видит в хозяйственном освоении ими Приуралья и материальном обеспечении похода Ермака.

Следует подчеркнуть, что под влиянием либеральных историков в официальной историографии

появляется ряд новых моментов. Представители ее признали роль Ермака и казаков как инициаторов похода в Сибирь. Вслед за Г.Ф. Миллером и П.А. Словцовым они повторили позицию о нереальности версии Строгановской летописи о переходе Ермака с Чусовой до Искера за полтора месяца и дали свою хронологию событий 1581–1582 гг. Завершение присоединения Сибири ими отнесено к периоду Смуты.

С.Ф. Платонов был первым, кто взглянул на сибирские летописи как на часть общерусского летописания. Официальные историки расширили хронологические рамки колонизации Урала и Зауралья, определяя их XIII–XVII вв. В труде В.К. Андриевича впервые дается подробное описание похода Ермака. Он подчеркивает, что освоение Сибири в конце XVI – начале XVII в. осложнялось постоянными выступлениями местных народов, связанных со злоупотреблениями властей.

Представители официальной историографии отметили особую роль государства в хозяйственном освоении Сибири, в развитии ее экономики. По-прежнему они обходили внутренние причины колонизации края.

Библиографический список

1. Иловайский, Д.И. Ермак и покорение Сибири / Д.И. Иловайский // Русский вестник. – 1889. – Т. 9.
2. Иловайский, Д.И. История России / Д.И. Иловайский. – М., 1890. – Т. 3.
3. Платонов, С.Ф. Старые сомнения / С.Ф. Платонов // Сборник статей в честь М.К. Любавского. – Пг., 1917.
4. Андриевич, В.К. История Сибири : в 2 ч. / В.К. Андриевич. – СПб., 1885.
5. Симанов, Н.Л. История сибирского казачьего №1 Ермака Тимофеева полка / Н.Л. Симанов. – Омск, 1893.
6. Тихомиров, Е. Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири / Е. Тихомиров. – М., 1886.
7. Введенский, И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком / И. Введенский // Три кратких очерка покорения Сибири. – Тобольск, 1887.
8. Львов. Покорение Сибири / Львов // Три кратких очерка покорения Сибири. – Тобольск, 1887.
9. Олферьева, С. Сибирь : очерк завоевания и заселения / С. Олферьева. – М., 1910.